

О.Г. Чайковская
СУД ПРИСЯЖНЫХ

Чайковская Ольга Георгиевна — писатель, кандидат исторических наук.

Независимый и справедливый суд является не просто одним из правоохранительных органов, но важнейшим социальным институтом, без которого невозможно существование демократического гражданского общества. Использование суда в качестве средства расправы либо осуществления государственных интересов превращает социальное взаимодействие в некую разновидность войны всех против всех, где господствует право сильного и все позволено.

Обеспечение независимости суда было мечтой просветителей и социальных реформаторов на протяжении столетий. Как решить эту задачу? Передать право судить и миловать народу? Приговор, вынесенный народными избранниками на афинской агоре Сократу, и крики "Распни его" перед дворцом прокуратора Иудеи заставляют неметь перед ужасами, которые может повлечь за собой "народная воля". С воодушевлением рассказавший-европейской образованной публике о демократии в Америке А. де Токвиль был поражен беззащитностью человека перед деспотией большинства. Но с другой стороны — бюрократизированный суд, состоящий из виртуозов-процессуалистов, умеющих чисто сострять самое грязное дело. А нельзя ли отыскать золотую середину: сделать представителей народа полноправными участниками процесса наряду с профессиональными судьями, прокурорами, адвокатами? Может быть, в этом случае будет гарантирована справедливость?

Ясно одно: чтобы общество было здоровым, разумным и сколько возможно счастливым (или по крайней мере спокойным за свою судьбу), право должно быть растворено в нем органически. Нужна уверенность, что суд справедлив и защитит.

А моя несчастная страна умудрилась десятилетиями обходиться вовсе без суда, потому что трудно назвать органом правосудия судебную "временку"» созданную после революции. Ну, а что у нас сейчас, когда новорожденный суд присяжных встраивается в прежнее устройство? Чтобы понять сущность процесса, нужно ясно представить себе, что оно такое — это старое в его нынешнем состоянии.

Советский суд. Однажды я написала о некоей судье Прасковье Ивановне, которая как бы сконцентрировала в себе его свойства. Россия создала разные национальные характеры, подчас полярные, иными мы гордимся — но этот! Она выковывалась в давние времена, эта смесь наглости и холуйства. Полновластная хозяйка процесса, "Прасковья Ивановна" раболепствовала перед партаппаратом (который вмешивался не так уж часто, поскольку интересовался только отдельными делами) и была верным союзником (или слугой?) прокуратуры и следствия (которые были заинтересованы в исходе каждого дела). Следователь не стеснясь говорил подследственному: признаешься — получишь два года, не признаешься — все двенадцать. Он твердо знал: "Прасковья Ивановна" покорно повторит обвинительное заключение, а то и просто его переписшет.

Я вовсе не хочу тем самым оскорбить достойных людей, которые работали тогда судьями. Они были в плену.

Так что же теперь, когда столь многое изменилось и в обществе и в государстве? А нам важно увидеть живого человека, оказавшегося в сфере деятельности правовой системы, проследить обычную судьбу, ту, сквозь которую просвечивает множество других реальных судеб.

Передо мной обвинительное заключение: Игорь Трофимов с товарищами "совершили угон автотранспортного средства без цели его похищения" — избили водителя и так, без цели похищения, уехали. А вот подробности: били кулаками, ногами и "специально приспособленными для нанесения ударов досками" (что это значит? — ручки к ним были приделаны, что ли?). Вина доказывается: актом судмедэкспертизы — но та говорит лишь о том, что Чапыгин был избит; показаниями свидетелей — но свидетели как раз опровергают обвинение: они работали возле гаражей, когда произошло избиение, но не видали его и не слышали; наконец, показаниями самого Чапыгина, но он показывает то так, то эдак. Вот и все доказательства. Молодые люди будто бы похитили из угнанной

машины ряд ценных вещей, но куда те делись, неизвестно, ни у Игоря, ни у его товарищей их не нашли. Как мог прокурор дать санкцию на арест? Как мог подписать такое обвинительное заключение?

О том, как велось следствие, мы не знаем: из-за тюремных стен вести не доходят. Но вот эпизод, происшедший вне этих стен.

Игорь очень ждал суда — и, наконец, его туда повезли. Тут, в здании суда, все и произошло. Из-за стены конвойного помещения его родители услышали глухие удары, крики о помощи — и узнали голос сына! Когда через несколько часов (вызывали "скорую") его ввели в зал, он еле шел, глаз заплыл, шея в кровоподтеках (адвокат просил зафиксировать следы побоев — судья отказала). А вот рассказ Игоря. У него была встреча с адвокатом, конвойный стал адвоката гнать, а самого Игоря заталкивать в камеру. "Я возмутился, — пишет Игорь, — и сказал, что это беспредел, а он мне ответил, дословно: "сейчас увидишь настоящий беспредел" и ударил меня в грудь. Я сказал, что он за это ответит (все-таки, заметим, дело было не в тюремном застенке, а в здании суда), тогда они вытащили меня из камеры и стали зверски избивать ногами и кулаками. Дальше я плохо помню. В изолятор меня доставили в плохом состоянии, но понесли не в больницу, а прямо в карцер. Вместо врача пришел дежурный по изолятору, он сказал, что медицинской помощи мне не нужно, дословно: чем скорее сдохнешь, тем лучше. И что тут я буду сидеть, потому что плохо вел себя на суде". Последняя фраза убедила Игоря, что в карцер он попал по представлению судьи — "потому что все они заодно".

А вот ответ прокуратуры на обе жалобы, Игоря и его родителей. "Установлено, что Трофимов И.В. в служебном помещении, будучи недоволен прекращением беседы с адвокатом, начал выражаться нецензурной бранью в адрес сотрудников конвоя, на предупреждения не реагировал", (ударил одного, потом другого начальника), в силу чего к нему "были применены приемы самбо, причинившие повреждения в виде ссадин. В сложившейся ситуации сотрудники милицейского конвоя действовали в соответствии с уставом..." Прокурора не заинтересовало, на каких основаниях конвойный прекратил беседу подсудимого с его адвокатом, не удивился он также, почему конвойные во главе со своим начальником (все сытые ребята) не пресекли бесчинства арестованного, если тот, измученный тюрьмой, действительно осмелился на бесчинства, с первого же его бранного слова, почему так долго терпели — а потом избили столь зверски, что суд не мог состояться?

Состоялся он через полгода, и через три года после того, как Игоря арестовали. Через три года! И вот передо мной приговор. Он рабски повторяет обвинительное заключение — разве что доски перестали быть "специально приспособленными", а стали "подобранными здесь же"; да еще точно указано, что сделали подсудимые с украденными вещами — "распорядились ими по своему усмотрению". Если учесть, что и в суде подсудимые свою вину категорически отрицали, это "усмотрение" выглядит особенно убедительно. Можно сколько угодно иронизировать по поводу этого документа, но он определил судьбу Игоря на семь с половиной лет.

И прокуратура не вмешалась? Вмешалась. Потребовала переквалификации обвинения на более тяжкую статью; переквалифицировали (эта процедура стоила Игорю еще четырех месяцев тюрьмы), впрочем приговор остался тот же.

Краснопресненская пересыльная. Мы в маленькой комнате-купе. Игорь уже знает, что его надежды на кассацию рухнули, приговор вступил в законную силу (велик тут соблазн порассуждать на тему о том, что такое "законная сила", но у нас нет на это времени). Он рассказывает.

Утром проснулся от дикого, сокрушительного грохота. Когда выскочил в переднюю, дверь уже была выломана, ворвались несколько человек — и он потерял сознание от удара прикладом по голове. И вот он в милиции, в наручниках, тяжело избитый, запертый в клетке. Он, росший в хорошей семье (отец — летчик, командир корабля), в культурной среде (музыкальная школа, работал художником) — и вот сидит в клетке, как зверь. Кого-то приводят, кому-то его показывают. Он еще не знает, что жизнь его рухнула, что родителей своих он увидит не скоро, а Валю, девушку, на которой хотел жениться, надо думать, уже никогда (она выйдет замуж и уедет в Швейцарию). А он? Из кошмара тюремной камеры он будет переходить в ужас тюремного карцера, потому что не признается. В чем? В том-то и дело, что его били в милиции, требуя признания, но не в угоне машины Чапыгина, а в убийстве какого-то человека, труп которого был найден в одном из подвалов района. И в тюрьме его бил "опер", требуя того же признания (иной раз его приносили в камеру запертым, его отхаживали сокамерники) — тюрьма

откровенно работала на следствие.

Все силы Игоря уходили на то, чтобы выстоять, ничего не подписывать — и остаться в живых, что было нелегко, особенно в ледяном сыром карцере при хронической болезни почек.

Смотрю на него — хрупкого телосложения, да больные почки — как он выстоял? Такая сильная воля? Или потому, что были неподалеку другие судьбы, не менее, если не более страшные? Однажды в больнице он увидел: бегают тут двухлетний зек, Танечка. Ее мать, Марина, по ее словам, виновата была только в том, что не донесла на приятеля, чье преступление преступлением не считала. Милиции было известно: она ждет ребенка, и все же ее били, требуя признания в "разбое", она все подписала, — обычное, "чистосердечное" — и с сотрясением мозга, поврежденной почкой была отправлена в больницу, а оттуда в тюрьму. Тут и родилась Танечка, тут росла, тут пошла. Первой вышла на свободу эта арестантка, не дождавшись суда над матерью (которой дали отсиженное).

Игорь около пяти лет просидел в аду следственной тюрьмы, то есть без приговора суда перенес тяжчайшее наказание (когда дело с трупом не выгорело, кое-как сляпали обвинение в угоне и разбое). Марина просидела четыре с половиной года (Танечка — три). Если вся правовая машина годами жевала их, годами терзала и никто не мог доказать их вину, — в чем же тогда была их вина?

Вот мы и приподняли край (краешек) занавеса, скрывающего этот мир круговой поруки, где прокурор санкционирует беззаконие милиции, тюрьма напрямую работает на следствие, а что же суд? Опять перед нами "Прасковья Ивановна"? Опять она тащит через весь процесс версию обвинения, покрывая своим авторитетом и милицию и прокуратуру? И выносит обвинительный приговор при отсутствии доказательств и присутствии сомнений, тех самых, при которых согласно закону обвинительный приговор невозможен. Сильный, сцепленный, спаянный мир, очень опасный.

Это не право растворено в воздухе общества, а теория и практика беззакония.

Теперь, осознав меру опасности, мы уже со знанием дела можем ставить проблему суда присяжных.

Недаром вокруг этой проблемы шли споры — она сложна. Уже в XIX веке, когда этот суд был введен, он натолкнулся на открытое неприятие — и даже такой превосходный человек, каким был Алексей Константинович Толстой, встретил его насмешкой: в его "Потоке" преступника, который "отца отравил, пару теток убил... и двух братьев и трех дочерей задушил", присяжные оправдывают и "тут платками им слева и справа машут барыни с криками: браво!" Серьезное предупреждение: правосудие утоплено в слезливой "либеральной" тенденциозности, преступление осталось безнаказанным, преступник продолжит свои злодеяния — общество беззащитно. В наше время более вероятна и велика другая опасность: слепая социальная злоба, темная жажда мести. Нам нетрудно представить себе ситуацию, когда и присяжные, и зал суда, и общественное мнение пылают единой ненавистью (социальной, политической, религиозной — неважно какой), и вот уже готов приговор, быть может, и смертный, — под те же самые аплодисменты и крики "браво!". А как, предположим, нищие пенсионеры станут судить предпринимателя, у которого миллионы в банке и дача в Ницце? Или азербайджанцы — армянина (и наоборот)? И тут приговор будет несправедлив, преступник станет продолжать свои преступления — общество беззащитно.

Да и вообще, как это "люди с улицы" смогут выполнять такую сложную социальную функцию: судить других людей?

Нам остается только посмотреть, как это происходит в жизни.

В деревне Сиверко (Касимовский район, Рязань) жили два старика. Были они соседями, мирно переговаривались через забор, когда работали на своих огородах, а потом поссорились. Причиной были деревянные столбы: Сергевин, дядя Леня, утверждал, будто Артюхов, дядя Коля, их у него похитил, что тот отрицал с горячностью. У спора, честно говоря, не было правовой основы: столбы кто-то унес с линии электропередачи, они принадлежали государству. Тем не менее с тех пор старики едва здоровались. Нам известно также, что Сергевин приторговывал водкой, а Артюхов время от времени сильно ею злоупотреблял.

Сергевина нашли мертвым в соседнем пруду. Артюхова арестовали — и вот перед нами суд присяжных.

Начинается отбор присяжных — каждый, кто его видел, поймет, что ханурик или бомж его не пройдут — он должен устранить малейшую возможность предвзятости. В

ходе этого отбора адвокат спросил у присяжных, не вызывает ли у кого-нибудь из них отрицательных эмоций внешний вид подсудимого. Станный вопрос, между тем понимаешь его, когда глядишь на старика за барьером (он не так-то стар, но по виду старик) — он мал ростом, жилист, совершенно лыс, если не считать густых зарослей по самому краю лысины — не то перья, не то шерсть. Вместо кистей у него клешни (нехватка пальцев). Действительно страшноват.

— У меня вызывает, — честно признается один из присяжных, и его, разумеется, тотчас отводят.

Присяжные отобраны, заняли свои места. Судья напомнил им в своей речи: если человек на скамье подсудимых, отсюда вовсе не следует, что он преступник, им, присяжным, предстоит решать, виновен он или нет — предупреждение в нашей стране более чем необходимое.

Итак — старик Артюхов. Если верить обвинительному заключению, он вместе с двумя молодыми собутыльниками пошел к соседу за водкой, а когда тот отказал, убил его, после чего они, все трое, отволокли убитого в пруд.

Артюхов стоит, встревоженный, похожий на сердитого петуха.

Оказалось, он глух, не слышит, что говорят. Зовут врача, та подбирает для него слуховой аппарат, и вот он во всеоружии.

— Я заявляю и утверждаю, — говорит он не без высокомерия, — все ложь и я не виноват.

Его привели в милицию, — рассказывает он, начали требовать, чтобы признался в убийстве, он отрицал вину, и тогда милиционер стал бить, его книгой по голове.

— А что за книга была? — спросил находчивый прокурор.

— Не читал, — отрезал старик. — Не знаю.

Он стоит прямо, взгляд зоркий, аппарат в ухе, две клешни крепко ухватились за барьер. Петух оказался бойцовым.

Но о том, что было дальше, старику, как видно, рассказывать не хочется. Дело в том, что он тогда заплакал. Не в его характере, но он заплакал, а милиционер бросил ему: "Москва слезам не верит". Николай Иванович,

— хотелось мне сказать ему, — не надо стыдиться своих слез, эти удары по голове — особые удары, подлые. Они отключают сознание, даже если это не старая лысая голова, лишают возможности сопротивляться. Ничего удивительного в том, что вы написали "чистосердечное признание" — и не такие писали.

Но почему в убийстве заподозрили именно Артюхова? На каких основаниях взяли его под стражу? Это вопрос не только данного дела, это стержневой вопрос правосудия — что позволяет властям переступить барьер, который ограждает священное, всеми декларациями и конституциями утвержденное право человека на свободу? Представьте себе, в нашей судебной практике на этот вопрос ответа зачастую не ищут: неважно, мол, за что арестовали, важно, что вина доказана. Но ведь все дело — и вся трагедия — в том, что именно с помощью ареста следствие зачастую и рассчитывает добыть "доказательства", — ужас тюремной камеры, угрозы прямого насилия

— вот что в таком случае определяет ход следствия и его результат. В этом первое существенное отличие суда присяжных от прежнего суда, который традиционно, в том нет сомнений, прошел бы мимо этой проблемы. В суде присяжных ее поднял адвокат.

И что же оказалось? Оказалось, что Николая Ивановича арестовали вовсе не в связи с убийством, а совсем по другому поводу. Так в этом процессе выплыл наружу еще один излюбленный метод беззакония — если нет доказательств, прибегают к трюку: административный арест, например, в связи с инсценированной уличной дракой или чем-нибудь подобным. А тут и в инсценировке нужды не было. На Первомайские праздники Николай Иванович, сильно выпив, висел на заборе своего соседа и директора, демонстративно ругался матом. Если милиционеры и были потрясены самим фактом матерных выражений на деревенской улице, тогда они виду не подали

— и арестовали его только через две недели, когда был найден труп. Вызванный в суд директор показал, что подобный случай припоминает. Да, висел его сосед у него на заборе, висел и сквернословил, но он, директор, никакого значения этому событию не придавал, поскольку хорошо знает Николая Ивановича как отличного работника, который вкалывает за семерых, но время от времени уходит в свирепый запой и тогда нехорош. Он, директор, никуда не обращался, о возбуждении по этому поводу дела слышит впервые, его, "потерпевшего", даже в известность не поставили. Кстати, также, в "предварительном административном порядке", были арестованы и те парни, которые

тоже признавались в "преступлении". Они пошли за свидетелей и потом тоже от своих показаний отказались.

Выходит (знакомая картина), арестовали старика по одному поводу, а били по другому. Когда у следователя прокуратуры Капитоновой, рассказывает Артюхов, он отказался подтвердить свое "чистосердечное признание" и говорил, что не виноват, она подняла трубку, сказала кому-то: "Он не признается" — и вошли милиционеры. Вошли милиционеры, Капитонова тут же вышла, не стала смотреть. Зато во второй раз осталась, "смотрела, ничего не говорила". Милиционеры избили его, один сказал: "Это нехорошо, но завтра будет хуже, отвезем тебя на место, покажем жителям, а на обратном пути ты будешь убит при попытке к бегству".

Кто бы знал, сколько приходилось мне слышать в суде или читать в деле о такой угрозе — убьем "при попытке к бегству".

— Вот так, — говорит Николай Иванович, — и был я все время под страхом смерти.

Можем мы ему поверить? А вдруг он клеветает на сотрудников дознания и следствия — в подобных случаях власти любят вспоминать о презумпции невиновности: разве на представителей власти, говорят, она не распространяется? И на них распространяется, и на старика, но ведь кто-то из них лжет — тогда кто же? Мы не только можем поверить Артюхову, мы обязаны это сделать: у следствия нет доказательств его вины. Более того, слова старика ничем не опровергнуты, а слова тех, кто вел следствие, опровергнуты многим. Прежде всего беззаконием: арест со множеством нарушений и не по тому поводу; обвинение, основанное на признании, вопреки закону ничем не подтвержденном. Наконец, соображением простого здравого смысла: где найдете вы преступника, который признался бы не потому, что его приперли к стене доказательствами, а всего лишь в результате благостных милицейских уговоров? Вот если бы следствие, как того от него требует закон, представило бы доказательства вины, всем тогда стало бы ясно, что в применении насилия у него не было надобности. А тут вывод о насилии напрашивается сам собой.

Это обстоятельство взволновало кое-кого в кулуарах, в частности одну юридическую даму.

— Бедная девочка, — сказала она о следователе Капитоновой. — Сломают теперь ее судьбу.

Да, следователя Капитонову тоже вызвали в суд присяжных. Я увидела ее со спины, когда она давала показания — высокая, тоненькая, длинные волосы, сколотые на затылке яркой пряжкой, струятся по спине. Школьница. Но потом, когда она повернулась, меня поразили ее глаза, немолодые, скорее, даже просто пожилые глаза. А ведь она очень молода, работала следователем всего три месяца, еще мало что умела, наделала много ошибок, в частности при составлении протокола осмотра места преступления (документ этот суд признал лишенным юридической силы). Зато успела научиться говорить в трубку: "Он не признается" и выходить или не выходить из кабинета, когда являются милиционеры. Ее научили. Передача опыта от старших к младшим, преемственность поколений?

В рязанском процессе предметом исследования был кусок жизни, очень грубой и порядком несчастной — исследовали его тут внимательно, с большим душевным участием и строго в рамках закона. "Невиновен", — сказали заседатели, и их вердикт был юридически обоснован в приговоре.

На каждом шагу этот суд разоблачал беззакония тех, кто вел следствие. В том-то и дело: с первых своих шагов суд присяжных поставил корневую проблему всей системы правосудия — состояния нашего следственного аппарата. Он начинает, от него, от того, каков его профессиональный, нравственный, культурный уровень, зависит работа всей системы правосудия, зависит и борьба с врагом, ставшим ужасом нашей жизни — борьба с преступностью.

Вопрос о качестве следствия встал уже в самом первом процессе с участием присяжных — саратовском, о нем писали довольно много, мы только заглянем в обвинительное заключение, оно замечательно, оно — надеюсь! — неповторимо.

Братья Артур и Александр Мартыновы в снятом ими домике пили ночью вместе с тремя соседями и приятелем своим Ю.Оглы. "В процессе распития спиртных напитков, — читаем в обвинительном заключении, — между Мартыновыми, с одной стороны, Волковым, Заступовым, Субботиным, с другой стороны, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений произошла ссора, перешедшая в обоюдную драку. В ходе драки с целью умышленного убийства трех лиц из корыстных побуждений для

завладения личным имуществом, Мартынов Артур имеющимся в доме топором..."

Вы здесь что-нибудь поняли? Значит так: внезапно возникли личные неприязненные отношения, на их почве вспыхнула драка — это понятно. Но пока братья на почве личных неприязненных отношений дрались, у них, как видно, в сознании произошел сдвиг и созрело решение: а не убить ли гостей ради их носильных вещей. Согласитесь, это уже не так понятно. В какой именно момент драки этот сдвиг произошел и как можно его доказать? Но продолжим прерванный текст. Итак, Артур топором "нанес Волкову один удар обухом по голове, затем три удара обухом по голове Заступову и шесть ударов обухом по голове Субботину, после чего потерпевшие упали и сопротивления не оказывали". Но пока живы-то они были, пока живы, неужели ни один из них не оказал сопротивления, а все трое покорно ждали кто трех ударов, кто шести — между тем потерпевшие были здоровые, рослые парни, куда сильнее низкорослых братьев, выдавшие виды, судимые, один бежал из ЛТП.

Ну, а что стало с "имуществом", с куртками, сапогами и шапками потерпевших? И с ними странность: они не описаны, потому что не найдены, но тем не менее непонятным образом оценены. Зато на вопрос, что с ними случилось, следователь ответил уже знакомой нам нелепостью: братья "распорядились ими по своему усмотрению". Помните? В суде над Игорем Трофимовым подобная нелепость была принята и судом, в суде присяжных — не прошла.

Чем был занят следователь, сочиняя свое обвинительное заключение? Подгонял события под 102-ю статью УК: умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Подгонял, а они не подгонялись. Ему нужны были отягчающие обстоятельства, ну, к примеру, корыстные побуждения либо особая жестокость. Но как доказать корыстные побуждения, если налицо беспричинная драка? Как соединить ее с умыслом на захват имущества? Да просто поставить через запятую, и все дела. Судьи поверят: кто убил, тот и вещи взял. Труднее будет с особой жестокостью — удар топора, это, конечно, жестокость, но для 102-ой нужна особая, а лучше всего сногсшибательная! И тут пришла мысль (не знаю, с потолка была взята или что-то подобное припомнилось?), и следователь написал, что Александр плясал на телах погибших, да еще в тяжелых башмаках. Колоссальное впечатление произведет, поразит и заседателей и прессу, на подобной смазке дело легко проскользит по суду. Судья сделает вид, что того-сего не заметил, заседатели, даст бог, ничего не сообразят. Адвокат? — да кто его слушает. Прокурор потребует расстрела — под аплодисменты, как положено, все будут на его стороне, включая общественное мнение.

Саратовский суд не только не пошел вслед за обвинительным заключением, он его опроверг. Чудовищную "пляску смерти" опроверг уже сам прокурор (который работал в суде присяжных вовсе не так, как обычно работает прокурор в старом суде); был, разумеется, отброшен и следовательский оксюморон (совмещение несовместимого, "внезапная предумышленность", "беспричинная корысть"), 102-я была заменена на 105-ю — "убийство при превышении необходимой обороны".

Как видим, в процессах с участием присяжных — не во всех, разумеется, процессах, но во многих — обнаружилось замечательное обстоятельство: следственные органы пишут обвинительное заключение, рассчитывая на суд старого типа, с двумя молчаливыми наразседателями при хозяине процесса — судье, не больно-то заботясь о законе, правде и даже правдоподобию. Пишут для старого суда, а попадают в суд новой структуры. И оказывается, что эта новая структура беззакония не пропускает, что она отбрасывает как не пригодные разного рода "пляски смерти".

А это значит, что отныне в тех категориях дел, где подсудимый может выбрать новую форму судопроизводства, "черный следователь" уже не отважится готовить материалы и писать обвинительное заключение на прежнем уровне правосознания, профессионализма и здравого смысла.

Право — это дело интеллигенции (и сама она проверяется своим отношением к праву). Конечно, жажда справедливости всегда была присуща народным массам, но у нас это народное право кончалось пылающей усадьбой и помещичьей семьей, повешенной на воротах. Интеллигенция (в лице юристов-профессионалов), напротив, вводит эту жажду справедливости в разумные и продуманные правовые формы (российское сознание так и колеблется между бунтом, революцией и правовым порядком).

Российское право родилось вместе с российской интеллигенцией. Екатерина II, создавая "новую породу людей" (она делала это сознательно, планомерно и неустанно; Петр насаждал "образованщину", Екатерина — интеллигентность), понимала: главная

задача — утвердить в этих людях, рожденных в страшной, рабской, крепостнической стране, чувство собственного достоинства, уважения к себе и другим; научить их занимать не зависимую жизненную позицию, основанную на наличных, а не должностных, сословных или профессиональных качествах, на нравственных убеждениях. Недаром из всех сочинений интеллигентной государыни главным стал ее "Наказ" — великолепная компиляция из правовых трактатов, созданных лучшими европейскими умами.

Деятнадцатый век развивался с быстротой невероятной (и Екатерину во многом обогнал). Социальная совесть дворянства, дремавшая в XVIII веке, резко (порой до болезненности) обострилась, равно как и чувство ответственности перед народом, перед страной. Именно это мощное духовное развитие и дало судебную реформу 1864 года, в частности, суд присяжных, погибший вместе с российской империей. В какую пропасть кровавого беззакония рухнула страна, говорить не надо. В том-то и дело, что наше право отделено от дореволюционного не стеной, которую сравнительно легко разрушить, а пропастью, которую разрушить нельзя, а преодолеть трудно.

С началом горбачевской перестройки право стало постепенно выздоравливать, началось укрепление судебной власти, выправлялся судебный процесс, как мы видели, сильно перекошенный в сторону обвинения, восстанавливалось равенство сторон — и наконец, появились неведомые до сих пор оправдательные приговоры! Перелом был очевиден. Следователям была запрещена незаконная практика: сперва бросать в тюрьму, а потом уже доказывать вину, в связи с этим в тюрьмах, полных невиновных или полувинных людей, осталось действительно зверье.

Какое же участие приняла в этом выздоровлении передовая демократическая интеллигенция, что выступила на общественную арену и стала властительницей дум? Тут были профессора, доктора и академики, общество поверило в них искренне и глубоко, даже порой неистово; были тут и Вера, и Надежда, и Любовь — только вот мать их София, к сожалению, присутствовала далеко не всегда.

Перед демократической интеллигенцией стояло два пути — путь "бунта" и путь права. Какой она выбрала?

То было время широкого общественного движения, бурного, митингового, много было разумного и светлого в этом движении — но только не в области права! Процесс создания правового государства и укрепления судебной власти, начавшийся реформами Горбачева, вызвал резкий отпор со стороны "черных следователей". Когда поднялась митинговая волна, именно они (и особенно те из них, кто опасался кары за свои беззакония) вскочили на нее с большой ловкостью — и их помчал. Их игра была беспроявительна — они объявляли себя демократами, да еще гонимыми! — никто не помнил, да и мало кто знал, как рьяно служили они тому самому "аппарату", который теперь неистово обличали. В нормальном правовом государстве только безумец мог бы отважиться на такое: по десять раз на день обвинять людей в тяжких преступлениях, не приводя при этом никаких доказательств. Но обвинения, дикие и бездоказательные, вполне подошли темному правосознанию масс.

Союз "черного следствия" с митингом был откровенно направлен против суда, судебной власти: если судьи отваживались выносить оправдательный приговор, их громко (на митингах и в печати) объявляли взяточниками. Возникли страшные прецеденты "ревтрибунала", самосуда, когда судей заставляли судить под рев толпы едва ли не на стадионе (впрочем, бывал и стадион).

Прямая обязанность передовой интеллигенции заключалась в том, чтобы стать на пути этого безумия, но передовая — самая передовая, представленная парламентской "Межрегиональной группой", поразмыслив и рассчитав, решила, что тут, напротив, возможен союз и немалая политическая выгода. И вот явилось миру зрелище невиданное: крупнейшие правозащитники и гуманисты стояли на митингах рядом с самим насилием, с самим беззаконием.

Словом, выбирая между правовым порядком и бунтом, левые радикалы (и все, кто за ними шел) выбрали бунт, да еще "черный". Увлеченные сиюминутной выгодой, они не думали о результате, а он был страшен.

"Черное следствие", разумеется, колоссально выиграло от союза с "властителями дум." Беззаконие подняло голову, следователи уже вовсе бесконтрольны и безнаказанны, в чем нетрудно убедиться наделах, подобных делу Игоря Трофимова. Ворваться, не предъявляя ордера на арест, избить, заковать в наручники, бросить в тюрьму и держать там годами — вот он, результат. Сегодня следственные тюрьмы набиты так, как никогда еще не были, — ни один режим, включая сталинский, не видел Бутырок в столь

чудовищном состоянии, где люди уже не могут даже сесть, они стоят, задыхаясь в духоте, невыносимо страдая от унижений, от болезней, которые разрушают организм. Теснота тюрьмы возникает вовсе не потому, что усилилась борьба с преступностью — вы не найдете здесь ни участников мощных организованных банд, ни мафиози, ни наемных убийц.

Поговорка "закон, что дышло" потеряла свое осудительное значение, она являет собой простую констатацию того факта, что в России сегодняшнего дня сама власть без всякого стеснения может повернуть это дышло в любую сторону. Правосознание общества рухнуло, пропаганда подозрительности и злобы, дух насилия и расправы низвели его до нулевой отметки.

Не право растворено в обществе, а дух и практика беззакония. В связи с провалом "левых демократов" общественное сознание от неистовой любви к своим "властителям дум" кинулось в другую крайность (это российское свойство кидаться в крайности давно отмечено, о нем только воробьи не чирикают, что на самом этом свойстве никак не отражается), утверждая, будто бы провал произошел из-за неумелости уже по определению "гнилой" интеллигенции. Но левые радикалы как раз напротив оказались весьма цепкими и хваткими, когда дело касалось власти, но вместе с тем безответственными и непрофессиональными. А интеллигенты — люди рабочие, профессиональные, ответственные — кстати, таких немало и во властных структурах.

Средства массовой информации навязали нам представление о некоем госаппарате, который только тем и занят, что размножается подобно мышам (крысиного яду на него нет), а в этом аппарате сейчас есть интеллигенция, которая работает много и весьма ответственно.

Пока политики верхнего этажа обвиняли друг друга в тяжких уголовных преступлениях (не сознавая, как тем самым разрушают правосознание общества), юристы-реформаторы неустанно работали над новым судебным устройством России. Им пришлось нелегко, на их пути стояли мощные препятствия: старая судебная система, уходящая корнями в большевистский режим насилия и произвола; правосознание народа, изуродованное, искалеченное этим режимом (и едва ли не окончательно разрушенное недавним митинговым периодом); законодательство, допускающее произвол; безнаказанность "черного следствия"; слабость и подбострастность суда.

Мало было создать хороший законопроект для того, чтобы он, став законом, работал, нужно было подготовить для него здоровую почву — а легко ли это, если российская почва отравлена ядом правового нигилизма, заросла диким бурьяном произвола и беззакония. Нужно было готовить кадры юристов, которым была бы понятна суть реформы и ее необходимость.

Для начала было выделено несколько регионов страны — кстати, в дореволюционной России тоже так начинали судебную реформу, — юристы, правоприменители постепенно входили в ее теорию и практику — на симпозиумах и семинарах, на деловых играх (об их просветительской роли я писала в "Литературной газете"). Наконец, в ходе судебных процессов, пока еще игровых, где судьи и прокуроры исполняли роль присяжных, подсудимых и т.д. Интересно шла работа, талантливо, весело. Участники ее были увлечены, тем более, что чувствовали: умнеют день ото дня. Шел тренинг, круг реформаторов сильно расширялся. К тому моменту, как проект уже готов был стать законом, почва для него была вспахана и удобрена.

И все-таки это было еще полдела: предстояло почти невозможное — "протащить" законопроект через Верховный Совет с его правовой темнотой (в нем, кстати, было немало юристов крайне реакционного, "черного" направления). Защитнику законопроекта С.А. Пашину нелегко пришлось на трибуне. Зал был угрюм, тогдашний Генеральный прокурор яростно пошел в атаку, утверждая, что суд присяжных в России ввести невозможно, да и нельзя, он будто бы мешает борьбе с преступностью. Чтобы показать уровень правосознания, любопытно привести аргументацию: "Если прокурор оказался умным, хитрым, изворотливым и сумел доказать вину — он ее докажет. Если хитрее, изворотливее оказался адвокат, то на этом все и кончится". Что это значит — "все"? Оправдательный приговор, по-видимому? В сознании генерального прокурора понятия истины и справедливости подменяла, видимо, изворотливость, а суд присяжных представлялся без самих присяжных.

И представьте себе, подобная логика показалась Верховному Совету убедительной, законопроект был отклонен. Казалось: российская судебная реформа на грани гибели. Только с третьего раза (и в отсутствие генпрокурора) проект прополз через Верховный

Совет, порядком ободранный, сильно израненный, но — живой (постучим по дереву).

"Через 76 лет в Россию возвращается "суд улицы", "суд народа", — говорил С.А. Пашин, — форма судопроизводства, позволяющая рассматривать правонарушения не только с формально-юридических, но и с нравственных позиций самого общества". Сильно сказано? Ведь противники реформы как раз и предупреждали против "суда улицы", непросвещенного и темного. Но слова эти выбраны сознательно. "Улица" — это вовсе не то место, куда приличных мальчиков не пускают гулять, на улицах — городских, деревенских, поселковых — живут простые нормальные люди. Значит ли это, что интеллигенция, проводящая реформу, обращается за помощью к неинтеллигентности? В том-то и дело, что вовсе не так.

Присмотримся к присяжным заседателям и сравним их с народными заседателями. Всякому понятно, что уважаемый человек сильно отличается от того, кто живет в непрестанном унижении. Нарзаседатель унижен и тогда, когда его выбирают в качестве самого ненужного своему коллективу, где его выбирают, и когда сидит "для мебели" — самой ничтожной фигурой судебного процесса.

Присяжный заседатель — ум и сердце этого процесса.

Тот, кто (по принципу чистой случайности) отобран в присяжные, разом становится человеком особого достоинства, он как бы обведен невидимым кругом прав и привилегий. Кстати, именно так защитила депутатов своей Уложенной комиссии Екатерина. Он демонстративно независим

— всякий, кто вмешается в его судебную деятельность, несет уголовную ответственность. Он неприкосновенен — и сам он, и его семья, и его имущество состоят под охраной государства, в отличие от народного заседателя его работа в суде оплачивается. Никто не должен с ним общаться, речь идет не только о совещательной комнате — она, как всякому понятно, святая святых, — нет, даже прокурор и другие участники процесса могут обращаться к нему только с разрешения судьи.

Он как бы выключен из обыденной жизни в дни процесса, суть его существования состоит в самом процессе и только в нем.

Независимость и неприкосновенность присяжного — что может быть важнее для правосудия. Но есть обстоятельство не менее важное — его непредубежденность, чистота и незамутненность его сознания, его внутренняя независимость.

Как вступает в дело народный заседатель? Нередко заранее о нем знает (предположим, из выступления прокурора по радио); когда он (очень тихий и робкий) приходит в суд, ему предлагают ознакомиться с делом, открывает он первый том — фотографии убийства! Открывает второй — фотография подсудимого, тот стоит, указывая пальцем на землю — тут, мол, мы его убили. Откуда знать нарзаседателю, что перед ним опять же один из самых избитых приемов "черного следствия": если человек "признался", его приводят на место несовершеннолетнего им преступления и фотографируют вот так, с вытянутым пальцем, доказательной силы снимки не имеют, зато рассчитаны на впечатление — и заседатель действительно поражен. А когда в ходе процесса читается обвинительное заключение, оно для него вообще уже звучит как обвинительный приговор.

А присяжный заседатель, придя в суд, не знает и не должен знать о деле ничего — ровным счетом (его даже спросят, знает ли он о нем, и если знает, это может стать причиной отвода). Иных материалов следственного дела присяжный тоже не должен знать. Перед началом суда в особом заседании юристы — судья, адвокат, прокурор, но здесь нет присяжных заседателей

— проверяют качество доказательств, если они недоброкачественные (предположим, те же фотоснимки "с вытянутым пальцем"), добыты незаконными методами, их изымают из процесса, и присяжные никогда о них не узнают.

Именно все это незнание психологически обеспечивает внутреннюю независимость присяжного заседателя.

Присяжный живет в атмосфере уважения, более того, — почтения — и сам переживает высокие минуты. Текст присяги читает судья. От первых слов "Клянусь исполнять мои обязанности честно и беспристрастно" и до последних "Разрешать дело по внутреннему убеждению и совести, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку" — не просто торжественность минуты, здесь сознание ответственности в том великом и страшном деле, когда один человек судит другого.

И, наконец, главное: присяжные видят, что тут, в суде, действительно они самые нужные, для них ведут допрос и прокурор и адвокат. Им доверены судьбы. На них

ответственность.

В кругу этого уважения, с сознанием своей ответственности, высокой власти, с ощущением своей независимости люди, чисто случайно выбранные в число присяжных, начинают работать во всю силу той интеллигентности, которая заложена в каждом из нас.

Во всю силу своей интеллигентности. Я видела, как это происходит. Да и все непредвзятые наблюдатели могли видеть, как меняются заседатели в ходе процесса. Да, они нередко приходят в суд столь же робкими, что и нарзаседатели, но с каждым днем, с каждым часом своей работы все более ощущают свое судейское значение и достоинство. Отметим попутно: в прошедших процессах им удалось избежать крайностей и слезливой "либеральности" и жажды мести — и там, где дело расследовали профессионалы и вина доказана, выносят порой очень суровые приговоры (в Ростове был вынесен смертный).

Тут можно проверить еще одну важнейшую мысль реформаторов: суд присяжных становится школой неопенимого социального опыта, когда жизнь учит человека именно ответственности, независимости и достоинству — а ведь через такую школу пройдет великое множество российских граждан.

Я недаром стучала по дереву: суд присяжных, конечно, должен был встретить сопротивление в среде "черного следствия" и со стороны "Прасковьи Ивановны". Врагов у него немало среди тех, кто лишился узурпированной власти. А что же общество? Средства массовой информации? Появилось несколько положительных, несколько вялых, статей и еще более вялых телекомментариев. Не обошлось и без дурацкой интеллигентской иронии — ироническая позиция удобна и заманчива, поскольку дает возможность говорить о предмете так, ровно ты его понимаешь...

Саратов. Окончено напутственное слово судьи. Присяжные должны идти в совещательную комнату, чтобы остаться тут наедине со своей ответственностью. Одна из женщин (присяжный заседатель) в эту минуту перекрестилась — интересно, почему? Сосредоточивалась ли она для предстоящей работы, очищала ли для нее свою душу? Или возлагала надежды на Бога, на него одного? Вспомнился мне в связи с этим поразительный эпизод, его когда-то рассказал человек, которому довелось работать в архиве царской охранки.

Шел знаменитый процесс, один из самых позорных и грязных, который когда-либо шел в России. В ходе его раскрылись страшные дела, темные полицейские провокации, однако осталось неясным, что же из всего этого извлекли присяжные, люди малокультурные. Сильно тревожились те, кто болел за судьбу Бейлиса и исход дела.

Совещательная комната, присяжные одни, никто не смеет знать, о чем они говорят и спорят. Но есть-пить им все-таки нужно, а потому к ним время от времени входят официанты. Все они агенты охранки (их-то рапортички и сохранились в архиве — так сказать, да здравствует охранка!), в решительную минуту голосования кто-то из них вертелся в совещательной комнате и узнал: голоса разделились таким образом, что голос старшины стал решающим.

Вряд ли он был интеллигентнее своих коллег, этот пожилой человек, но он отчаянно боялся ошибиться. Тут же, в комнате, упал он на колени, воскликнул, крестясь: "Господи, вразуми!" и молча стал молиться. Присяжные ждали. Наконец, он поднялся с колен и сказал: "Невиновен".